

**Тексты олимпиадных заданий регионального этапа Всероссийской олимпиады
школьников по литературе
(2014–2015 уч. год)
9 класс**

Первый тур

Проза	Поэзия
В.Астафьев Старая лошадь	Ю.Левитанский Как показать зиму

Задание: Выполните целостный анализ прозаического или стихотворного (НА ВАШ ВЫБОР) текста

Виктор Астафьев

Старая лошадь

– Стоит? – спросил сержант Данила у разведчика Ванягина, дежурившего возле стереотрубы.

– Стоит, – глухо ответил Ванягин, уступив место на чехле от стереотрубы сержанту Даниле – командиру отделения разведки.

Отделённый долго и сосредоточенно обозревал окрестности, затем остановил зоркие глаза прибора на одном месте.

– Скажи ты на милость, – заговорил он, раздражённо хлопая себя по карманам в поисках курева. – Три дня стоит! – и в голосе его просквозила жалость.

Ванягин вздохнул:

– Три дня... – и дал ему прикурить.

Они курили, яростно затягиваясь горькой махоркой, и молчали. Но и так понимали друг друга, оттого что думали об одном и том же, хотя были разными людьми. Сержант Данила был в годах. Среди молодых, скорых на слово и ловких разведчиков он выглядел чужевато, смущался тем, что находится не у места, и два раза в году просился на обыкновенную службу, к обыкновенным пехотинцам.

Ванягин был из рабочих, специалист по шлифовке паровозных бронзовых вкладышей. На сержанта Данилу он походил только волосом – оба рыжие, да ещё тем, что во время работы не любил разговаривать. К этому приучило его тонкое шлифовальное дело.

Он-то первый и назвал сержанта дядей Данилой, за что получил взыскание от щеголеватого комбата и полдня спал без обмоток в глубокой щели, называемой «губой», куда принесли для него соломы дисциплинированные солдаты.

То ли понравилось Ванягину на «губе», то ли был он упорным человеком, но наказание не пошло ему впрок, и вопрос чинопочитания он решил по-своему – стал звать отделённого сержантом Данилой. Звание это разошлось по всему полку.

И тут уж ни комбат, ни кто другой не в силах были что-либо сделать.

Цигарка накалила ноготь, затрещала в пальцах, и сержант Данила кинул её под каблук.

– Как ты думаешь? – хриловато спросил он и прокашлялся. – Как, говорю, думаешь, долго она ещё? – и кивнул головой в сторону нейтральной полосы.

– Кто её знает, – пожал плечами Ванягин. – Они ведь живучие попадают.

Сержант Данила на секунду прислонился к стереотрубе и опять полез за кисетом:

– Всё стоит, всё стоит...

На нейтральной полосе, среди бородавчатых, засохших кочек вот уже третий день стояла раненая лошадь. Стояла неподвижно, опустив голову. С дряблых, полуоткрытых губ её тянулась кровавая слюна. Когда на неё смотрели в стереотрубу, она почти вплотную подвигалась к окулярам, и в большом глазу её можно было заметить тупую боль, тоску и недоумение.

Земля поддерживала её. Та земля, на которую она ступила когда-то белолобым жеребёнком, приветствуя мир радостным, переливчатым голосишком. Когда ноги у жеребёнка сделались резвыми и струйка гривы потекла по гибкой шее, он принялся покусывать круп матери и гонять молодых кобылиц. Когда он вырос, его стали запрягать. Он взвился на дыбы и протестующе закричал, когда завели его первый раз в оглобли. Но в оглоблях, да ещё с удилами во рту, трудно протестовать, и он побежал, а потом побрёл по дороге, убегающей вдаль, к горизонту.

С тех пор ему всегда казалось, что там, у края земли, конец дороги и он доведёт тяжёлую поклажу и увидит что-то неведомое.

Выпадали дни, даже целые недели, когда отпускали спутанную конягу на волю, и она култыхала одна себе по прохладной траве, в прохладной темноте и слушала голос дергача.

Конюх водил её на водопой к речке, и она долго, смачно тянула воду губами, а человек длинно посвистывал ей, может быть думая, что под мерный и тихий свист коню слаще пьётся.

Менялись поклажи: лес, дрова, сено, кирпичи, мешки, водовозная бочка, а дороге не было конца. Она вела конягу и вела и вот привела туда, где грохот, сутолока, крики.

Сперва коняга прыдала ушами, пятилась и храпела, рвала со страха построжки. Её то гоняли во весь дух люди с вытаращенными глазами, то заставляли шагать тихонько, с ленцой, убаюкивая длинной, как дорога, песней.

Однажды её впрягли в повозку вместе с двумя молодыми, горячими лошадьми. Их гнали прямо по подсолнечнику, кукурузе.

Было дымно и жарко.

Молодые лошади скакали по бокам, на ходу хватали сочные побеги кукурузы и глотали их, захлёбываясь слюной.

А коняга не могла. Ноги её слабели, заплетались, делались непослушными.

Та лошадь, что бежала справа, вдруг упала и взбила пыль ногами, а другая раскачивалась и сипло дышала, выворачивая мягкие ноздри, из которых ключами била кровь. И эта лошадь упала и потянула за собой старую конягу. Она шире расставила ноги, упёрлась. Её душила упряжь, но она не хотела падать.

С повозки поднялся человек, вынул нож, обрезал построжки. Дышать сделалось легче.

Человек погладил рёбра коняги, ободьями выступившие на боках:

– Ну, милый, только на тебя надежда, выручай!

И старая коняга, видно, поняла человека, напряглась и потянула повозку дальше от грохота, сумятицы, воплей. Там, где попадались борозды или воронки, лошадь ступала осторожно, однако повозка всё равно накренивалась, и с неё неслись стоны и ругань. Наконец лошадь подсмотрела лесную дорогу и свернула на неё.

Возле палаток с красными крестами коняга остановилась, расслабила мускулы, задумчиво опустила голову.

Раненых унесли. Не ожидая, когда её хлестнут и погонят, коняга отошла в сторону и принялась выстригать из мятых кустов переросший пырей крупными, наполовину съеденными зубами.

Вскоре и её зацепило. В бок тупо шибануло, она рванулась было, но повозки сдвинуть не смогла. Ещё раз рванулась, словно бы не поверив тому, что произошло, и почувствовала слабость в ногах и горячую боль внутри.

Это случилось на высохшем болотце. Здесь ещё с весны остались отпечатки следов птиц и рос небольшой пучок лабазника. Сгоряча она объела его, по давней привычке с толком используя остановку, но белый душистый цвет лабазника лишь обнюхала.

Пошумел, пошумел на неё с повозки прихрамывающий на одну ногу солдат, потом с кряхтением обошёл вокруг, покачал головой. Сказав: «Когда это война только и кончится?» – он снял с лошади хомут.

Вечером он привёл другого коня, надел на него хомут. Потник на хомуте был вытерт до блеска шеей старой коняги.

– Отвоевался, трудяга! – тихо молвил повозочный и ушёл, потрогав на прощанье конягу за спутанную гриву.

Так она и осталась на поле одна, всеми брошенная, никому не нужная. Запах лабазника щекотал в ноздрях. Ей виделся прохладный лес и за ним волнующееся море овса, которого она давно уже не едала досыта.

До самой ночи она ещё чего-то ждала, а затем, судорожно дёргаясь, как спутанная, двинулась неизвестно куда. Ей хотелось к людям, но кругом было темно, и глаза тоже застилала темень. Природное чутьё изменило ей, и она, выбившись из сил, остановилась. Она не заржала, а только робко зашелестела губами.

Никто не отозвался, никто не пришёл на её робкий призыв. Так и стояла она между двумя враждебными мирами, в самом центре войны. Она будто знала, что если упадёт, то больше никогда не поднимется и не увидит той дороги, что звала её вперёд и обещала что-то...

Сержант Данила ещё раз кинул сигарку под каблук и ещё раз глянул в стереотрубу, должно быть на что-то надеясь.

– Хотел сам – рука не поднимается... – Он опустил голову и после продолжительного молчания произнёс: – Крестьяне бить лошадей могут вожжами там либо кнутом, но убивать – нет, потому он, конь, – работник.

Так длинно и с неловкими намёками он ещё никогда не разговаривал.

– Конечно, конечно, – будто ничего не понимая, заторопился Ванягин. – Без коня у вас никуда. – И замолк, потому что сержант Данила поднял голову и пристально взглянул на него. Он мог бы приказать Ванягину, но не приказывал.

Ванягин не выдержал взгляда сержанта и опустил глаза. Лицо его сразу сделалось виноватым, будто у напроказившего парнишки.

– Скоро смену пришлю.

Ванягин слышал, как осыпалась земля с бруствера. Траншеи для сержанта Данилы всегда были узкими. «Слава богу», – облегчённо подумал Ванягин, когда шаги сержанта затихли и стало ясно, что отделённый не вернётся.

Ещё никогда не тянулось так мучительно время на дежурстве, как в эти три дня.

Сменщик, Яшка Голоухин, побывавший в тылу врага с десантом и считающий, что ему теперь всё нипочём, ввалился в ячейку с шумом:

– Артпривет наблюдателю! Дежури́м? Много точек засёк?

– Одну.

– Маловато.

Он, не садясь, припал к окуляру стереотрубы, повертел колёсико и засмеялся:

– Вот это я понимаю – советский конь! Стоит на виду у фашистов и показывает непоколебимость. Если, мол, умру, так стоя!..

– Ну ты, звонарь! – неожиданно замахнулся на него Ванягин.

– Ты чего? – попятился Яшка от Ванягина, разом пришедшего в свирепость.

– Ничего! – гаркнул Ванягин и, схватив карабин, вымахнул из окопчика.

Ползти было трудно – укрытий никаких. Ванягин плотно прижимался к земле, а потом понял, что это бесполезно, поднялся и пошёл неторопливо и даже как-то задумчиво, словно бы на прогулке.

– Срежут! Псих ненормальный! – заорал Яшка, когда наконец пришёл в себя.

Но Ванягин дошёл до коняги, приложился и выстрелил ей в голову.

Старая коняга качнулась, узловатые, надсаженные колени её подломились, и она рухнула на землю. Судорога пробежала от шеи до задних ног её, и она вытянулась, протяжно, с облегчением вздохнув в последний раз.

Ванягин со злостью выбросил дымящуюся гильзу и пошёл обратно.

Лошадь та снится Ванягину и по сей день...

1958

Юрий Левитанский

Как показать зиму

(из цикла «Кинематограф»)

...но вот зима,
и чтобы ясно было,
что происходит действие зимой,
я покажу,
как женщина купила
на рынке ёлку
и несёт домой,
и вздрагивает ёлочкино тело
у женщины над худеньким плечом.
Но женщина тут, впрочем,

ни при чём.
Здесь речь о ёлке.
В ней-то всё и дело.
Итак,
я покажу сперва балкон,
где мы увидим ёлочку стоящей
как бы в преддверье
жизни предстоящей,
всю в ожиданье близких перемен.
Затем я покажу её в один
из вечеров
рождественской недели,
всю в блеске мишуры и канители,
как бы в полёте всю,
и при свечах.
И наконец,
я покажу вам двор,
где мы увидим ёлочку лежащей
среди метели,
медленно кружащей
в глухом прямоугольнике двора.
Безлюдный двор
и ёлка на снегу
точней, чем календарь, нам обозначат,
что минул год,
что следующий начат.
Что за нелепой разной кутерьмой,
ах, боже мой,
как время пролетело.
Что день хоть и длинней, да холодней.
Что женщина...
Но речь тут не о ней.
Здесь речь о ёлке.
В ней-то всё и дело.

[1970]